

Какъ полюбить врага? ¹⁾

(Этико - психологическій этюдъ).

II.

Христіанство говоритъ намъ, что мы можемъ научиться любить своего врага и сердце можетъ побѣдить природу, потому что Богъ христіанскій есть Богъ любви или Сама Любовь, такъ что любовь христіанина не заключена въ роковой кругъ, ей открыто безконечное. Всѣ отношенія Бога къ міру имѣютъ своимъ источникомъ любовь, а особенно отличается этимъ дѣло домостроительства Божія, гдѣ Божественная Любовь показала намъ высшій видъ совершеннѣйшей любви—любви ко врагамъ. „Составляетъ же сеною любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ, Христось за ны умре“, пишетъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (V. 8). Этотъ примѣръ Бога не можетъ не имѣть для насъ значенія, потому что Спаситель заповѣдуетъ и намъ такую же любовь къ людямъ. А priori можно предположить возможность такой любви для насъ уже по одному тому, что духовная природа наша, имѣющая образъ Божій и стремящаяся къ уподобленію Богу, носить въ себѣ отблескъ этой Божественной любви. Но этого мало. Духовная человѣческая природа подчинена и управляется извѣстными законами, которыхъ нельзя ни насиловать, ни тѣмъ болѣе устранить. Не нарушить ли заповѣдь о любви къ врагамъ естественнаго теченія психической жизни человѣка?

Въ подобіи нашей природы Божественной уже лежитъ рѣшеніе даннаго вопроса. Дѣло въ томъ, что наша духовная природа, стремящаяся къ уподобленію Божественной, извращена грѣхомъ и, слѣдовательно, многое изъ того, что законно и естественно для неизвращенной грѣхомъ природы человѣка, можетъ встрѣтить сильное препятствіе для своего осуществленія въ грѣховномъ существѣ человѣческомъ.

„Любите враги ваша“, слышитъ христіанинъ изъ Божественныхъ устъ Спасителя—съ одной стороны, а съ другой—поднимается въ немъ, волнуетъ его мысль, объ отмщеніи за обиду, нанесенную ему врагомъ. Знаетъ христіанинъ, что всѣ люди созданы по образу и подобию Божію, знаетъ, что всѣ имѣютъ одинаковую духовную природу,

---

1) Окончаніе. См. № 13—14-й.

наконецъ, знаетъ, что всѣ люди должны любить другъ друга. Если этого вполне достаточно для того, чтобы удерживать его отъ мщенія, то далеко еще недостаточно, чтобы полюбить врага дѣятельною любовью. Тогда пусть вызоветъ христіанинъ въ своемъ представленіи образъ невиннаго Страдальца, подвижнаго любовію, идущаго на смерть за своихъ враговъ — грѣшниковъ, не только прощающаго на крестѣ своихъ распинателей, но и молящагося за невѣрніе имъ этого грѣха. Не можетъ христіанинъ безстрастно отнестись къ этому, не можетъ это не волновать его; онъ задумается надъ словами Страдальца, заповѣдающаго любовь ко врагамъ, — Страдальца, вся жизнь котораго отъ начала до конца была ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ этой заповѣди. Теперь передъ христіаниномъ не теоретическое требованіе, а истина, волнующая его сердце и уже по одному этому имѣющая нравственное значеніе. Она, входя въ область жизни сердца, соприкасаясь съ духовными влеченіями, при помощи прирожденнаго влеченія челоуѣка къ общенію съ подобными себѣ, начинаетъ борьбу съ влеченіями противоположнаго характера, возбужденными враждебными столкновеніями съ людьми. А прирожденное влеченіе есть *primum movens* нашей душевной жизни, дающее первенство существованія волевой формѣ нашей душевной дѣятельности, сравнительно съ двумя остальными — интеллектуальной и чувствительной. Впрочемъ, изолированно оставаться влеченіе не можетъ, такъ какъ оно, уже по самой своей природѣ, должно стремиться, чтобы не оставаться безформеннымъ и безсознательнымъ, къ самоопредѣленію, для чего вступаетъ въ неразрывную связь съ остальными формами нашей душевной жизни. Такимъ образомъ, желаніе, возбужденное заповѣдію о любви ко врагамъ, сливаясь съ прирожденнымъ влеченіемъ, со стороны привлекаетъ на свою сторону интеллектъ и чувство, которые дѣлаютъ возможнымъ его дальнѣйшее развитіе съ результатомъ переходомъ въ дѣйствіе. Разумъ, воспитанный христіанскимъ самосознаніемъ, говоритъ христіанину, растворившему свое сердце для любви ко врагамъ, что Сынъ Божій умеръ на крестѣ за всѣхъ людей, всѣхъ примирилъ. Своею кровію, всѣхъ содѣлалъ братьями, искупивъ всѣхъ, имѣющихъ духовную природу по образу и подобию Божію. Это обстоятельство возвышаетъ каждоу челоуѣка въ глазахъ другоу: оно заставляетъ видѣть въ каждомъ челоуѣкѣ существо, которое такъ возлюбилъ Сынъ Божій, что не пощадилъ жизни Своей, чѣмъ придавъ ему необыкновенно дорогую цѣнность. Какъ же теперь христіанинъ

будетъ мстить врагу? Для каждаго истиннаго христіанина это равносильно презрѣнію Бога, такъ какъ христіанинъ, ненавидящій своего брата, не находитъ достойнымъ своей любви существо, которое Сынъ Божій возлюбилъ даже до „смерти крестныя“. Это—преступленіе по отношенію къ Богу. По отношенію къ своему врагу, такой человѣкъ, по слову апостола, „человѣкоубійца есть“. По отношенію же къ самому себѣ, „не любяй брата, пребываетъ въ смерти“ и, какъ „всякій человѣкоубійца, не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающаго“ (1 Іоан. 3, 15). Словомъ; употребимъ выраженіе проф. Генри Друммонда: „лучше не жить, чѣмъ не любить!“

Все это, кажется, достаточно сильныя мотивы для того, чтобы поддерживать и развивать возникающее чувство любви къ врагамъ въ дальнѣйшемъ направленіи. Эти побужденія—достаточно сильныя, но не исключительныя, при которыхъ прекратилась бы совершенно борьба мотивовъ въ христіанинѣ: у него остаются еще мотивы и ненавидѣть врага и мстить ему, такъ какъ ихъ разомъ нельзя уничтожить, особенно когда основаніе ихъ лежитъ въ злой природѣ самого врага и ко злу направленной его дѣятельности. Борьба между первыми и вторыми мотивами продолжается, но различіе этого момента борьбы заключается въ томъ, что первые мотивы имѣютъ уже болѣе вѣрности одержать верхъ, потому что они имѣютъ уже болѣе устойчивое основаніе, нежели вторые. Христіанинъ въ силу первыхъ мотивовъ отбрасываетъ свое желаніе мстить за личное оскорбленіе, нанесенное врагомъ, будучи побуждаемъ къ этому безпредѣльностью Божественной любви, но какъ онъ можетъ полюбить своего врага, зная, что многими его дѣйствіями руководитъ злое начало, отталкивающее отъ него христіанина съ его желаніемъ почитать на немъ свою любовію?

Христіанинъ не нуждается въ томъ, чтобы его врагъ обладалъ такими свойствами, которыя невольно привлекали-бы его любовь. Ему достаточно знать, что его врагъ—человѣкъ, то есть существо, носящее въ себѣ образъ и подобіе Божіе, имѣющее такую же духовную природу, безпредѣльно любимое Богомъ, удостоившееся того, чтобы Самъ Богъ сошелъ на землю ради его искупленія и заповѣдалъ къ нему любовь. Если у христіанина есть расположеніе къ любви, если онъ хочетъ исполнять Божественную заповѣдь, то слабость и пороки его врага не могутъ уничтожить этой любви, такъ какъ любовь есть чувство по преимуществу активное, т. е. очень мало нуждающееся для своего возникновенія въ объективныхъ поводахъ и

развивающееся по волѣ самого человѣка, а не пассивное. Не можетъ христіанинъ, конечно, не замѣтить недостатковъ въ своемъ врагѣ, но эти недостатки нисколько не препятствуютъ его любви, если онъ не забудетъ ни о достоинствѣ человѣка, ни о его цѣнности предъ Богомъ. Даже болѣе того. Недостатки и пороки врага, какъ это ни странно, могутъ побудить христіанина особенно остановиться своею любовію на этомъ именно человѣкѣ. Кому неизвѣстно, что, напр., старецъ св. Серафимъ съ дѣтства большею любовію принималъ посѣтителя, чѣмъ больше онъ былъ пороченъ. Христіанинъ знаетъ, что всѣ люди имѣютъ одинъ образъ Божій: у однихъ, заботящихся о немъ, онъ свѣтлѣе; у другихъ, людей порочныхъ, можно, и то съ трудомъ, подмѣтить только искру Божию, такъ какъ пороки дѣлаютъ этотъ образъ мрачнымъ и тусклымъ. Любовь христіанина, задавшагося цѣлью улучшить своего врага въ нравственномъ отношеніи, встрѣтитъ на первыхъ порахъ сильное противодѣйствіе со стороны враждебно настроенной личности. Но... удивительное свойство человѣческой любви... Встрѣчаясь съ препятствіями для своего развитія, она стремится побѣдить ихъ и чрезъ это достигаетъ значительной степени напряженности. Христіанинъ продолжаетъ любить своего врага, несмотря на всѣ препятствія, доказываетъ неоднократно во многихъ случаяхъ жизни, что онъ готовъ положить душу свою за него. На всѣ обиды христіанинъ отвѣчаетъ прощеніемъ, на дерзости—смирненіемъ, и, вообще, на всѣ проявленія злобы—любовью. При такомъ образѣ дѣйствій можно смѣло ручаться за благоприятный исходъ борьбы въ пользу любви (вспомните—хотя-бы Нелли въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“), такъ какъ сердце человѣка любитъ добро, какъ глазъ любить созерцать прекрасное, и влечется къ нему. Только одна любовь можетъ вполне уничтожить ненависть, совершенно искоренить ее и на мѣсто ея вселить въ сердце любовь. Любовь вырываетъ зло съ корнемъ и насаждаетъ добро. Онъ не отъступаетъ отъ своего долга.

Не даромъ сказалъ св. ап. Павелъ, такъ ярко изобразившій этотъ міровой законъ жизни, что при всемъ обилии цѣнныхъ качествъ любовь еще—„никогда не отпадаетъ“. Смыслъ выраженія очень широкъ. Самое центральное въ немъ—устойчивость до постоянства. Какъ ни бунтуя скептической настройю человѣка, любовь не ослабѣетъ въ своей неотразимости, а дѣйствіе ея не пропадетъ безслѣдно. Ее нельзя игнорировать, оставаясь совершенно равнодушнымъ. И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами Своими, обращается Великій Инквизи-

торь Достоевскаго ко Христу, будучи не въ силахъ сносить на себѣ Его любвеобильнаго взора. Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя“. Любовь, какъ раскаленный уголь, сжигала его душу и не давала ему возможности покойно упиваться горделивой враждой“. Сердце можетъ любить сильно, не получая въ отвѣтъ взаимности. Но какъ на цѣль свою любовь направлена на то, чтобы достигнуть взаимности: „любовь растворена надеждой, что ее, наконецъ, поймутъ и отвѣтятъ любовью же“. Главное свойство дѣятельной любви въ томъ и состоитъ, что она *долготерпитъ*, по выраженію апостола, что она на все надѣется; возможна и *страждущая* любовь. Слѣдовательно, не напрасно и не противоестественно заповѣдано христіанину любить врага. Его можно и должно любить. „Любя враговъ, говоритъ проф. Олесницкій, мы надѣмся добромъ побѣдить зло, надѣмся ненавидящихъ насъ сдѣлать любящими насъ, слѣдовательно, достигнуть цѣли любви, т. е. взаимности, гармоніи, мира“. Но и страждущая любовь не даетъ право пренебречь личными отношеніями и любить лишь идею челоѣчества вообще. „Для челоѣка здраво разсуждающаго, пишетъ одинъ изъ богослововъ (Идея ближняго въ христіанствѣ. Прав. Обзор. 1861 г., безъ подписи автора), немыслимая вещь вѣта причудливая филантропія, которая стремится встать выше отношеній родства, чтобы любить отечество, выше обязанностей къ отечеству, чтобы служить челоѣчеству и, замыкая свои объятія для живыхъ людей, раскрываетъ ихъ широко для какихъ то тѣней и призраковъ“. Дѣйствительно, христіанинъ не долженъ открывать свои объятія для тѣней и призраковъ, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ дѣйствительно-существующимъ, что онъ можетъ только служить предметомъ его любви, но, имѣя дѣло съ реальными существами, христіанинъ начинаетъ любить своихъ враговъ съ мыслью о Богѣ и Его любви къ людямъ, ради Бога, требующаго этой любви, и въ Богѣ, внѣ котораго эта любовь невозможна. Христіанинъ любить въ своемъ врагѣ челоѣка, не забывая, что въ немъ есть образъ Божій и что худыя качества его не въ состояніи изгладить этого образа, который всегда достоинъ любви и уваженія. Слѣдовательно, *любовь къ Богу есть conditio sine qua non любви къ врагамъ*. Богъ объединяетъ всѣхъ около Себя, чѣмъ способствуетъ и любви ко врагамъ; пожививъ въ духовной природѣ челоѣка тяготѣніе къ Себѣ, Онъ далъ всѣмъ людямъ одну цѣль жизни, въ достиженіи которой должны соединяться интересы и желанія всѣхъ.

Такъ какъ всѣ христіане живутъ и здѣсь въ Богѣ и такъ какъ одна Божественная природа проникаетъ жизнь всѣхъ ихъ, то всѣ противоположности между ними отступаютъ на задній планъ и возможнымъ становится представить царство всеобщей любви! Христіанинъ никогда не можетъ забыть, что Спаситель, въ виду страшныхъ мученій за враговъ, на Тайной Вечери умывалъ ноги врагу и какому... страшно сказать, Иудѣ предателю Искаріоту! Иди, христіанинъ, и, при помощи благодати Божіей, *ты твори такожде!*

Свящ. В. Соколовскій.

Еще къ вопросу о воспитаніи дочерей духовенства.

Въ нѣсколькихъ №№ «Извѣстій по Казанской Епархіи» за 1908 годъ о. Руфимскимъ и инспекторомъ Епархіальнаго училища о. Владиміремъ много было сказано хорошаго по вопросу объ образованіи дочерей духовенства, но только жалко, что «возъ и нынѣ тамъ».

О. Руфимскому, нѣкогда жившему въ селѣ, и намъ сельскимъ виднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ было бы плохо, если бы наши дочери учились въ второклассныхъ школахъ, тѣмъ болѣе при стипендіяхъ и увеличенной программѣ. Разница вышла бы существенная: въ Епархіальномъ училищѣ не было бы тѣсноты и оно не потребовало бы средствъ на расширеніе, а бѣдное сельское духовенство избавилось бы отъ обременительныхъ взносовъ за воспитаніе дочерей. Каково при нынѣшней дороговизнѣ жизни платить отцу за дочь въ годъ 100 руб., да плюсъ—если еще у него учатся сыновья въ духовномъ училищѣ или семинаріи. Это для отца (я не говорю о людяхъ состоятельныхъ) чистая бѣда, особенно для діакона и псаломщика въ бѣдномъ сельскомъ приходѣ. Доходы же наши, всѣмъ извѣстно, годъ-отъ-года уменьшаются. Вездѣ слышно, какъ трудно дается отцамъ воспитаніе дѣтей. Много приходится испытать имъ за это время затрудненій—и долги, и недоѣданіе; при извѣщеніи же объ исключеніи изъ училища за неплатежъ приходится обращаться къ о. благочинному за разнаго рода удостовѣреніями и т. д. Въ виду этого нельзя не согласиться съ заявленіемъ о. Руфимскаго, что пусть дочь бѣдныхъ родителей лучше окончитъ второклассную школу, чѣмъ останется безъ всякаго образованія.